

Анастасия
Левальд

ПЕСНЬ
И СЕРДЦА
И ПЕШКА

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л34

Иллюстрация на переплёте *KARPI*
Дизайн переплета *Кати Петровой*

Левальд, Анастасия.
Л34 Песнь сердца и пепла / Анастасия Левальд. —
Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-215734-9

Он — последний из Фойтийцев, несущий в душе боль утраты и жажду свободы. Она — принцесса Аксохола, запертая в замке секретов и правил. Судьба сводит два разделённых враждой мира, зажигает в сердцах чувство, способное разрушить любые преграды, и ставит перед выбором: последовать долгу или рискнуть всем ради любви?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215734-9

© Левальд А., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

A large, ornate decorative frame made of intricate floral and scrollwork patterns. At the top center, the number '1' is displayed. Below it, the title 'ГОРОД СТЕН, ПРАВИЛ И СЕКРЕТОВ' is written in a serif font. The frame is symmetrical and features a central banner-like element at the bottom.

1

ГОРОД СТЕН, ПРАВИЛ И СЕКРЕТОВ

Авила знала точно — сегодня она умрет. В торжественном зале, украшенном белыми розами и гобеленами, послышался страшный рев. Гости, пришедшие на торжество, оцепенели от страха. Пол и стены задрожали, хрустальные люстры срывались под ноги, колонны рушились. Ужас застыл в глазах, казалось бы, всемогущих королей и лордов. Внезапно за стеклами промелькнула тень, вызвавшая волну удивленного шепота. Авила замерла на месте, не веря, что отец призвал его сюда — прямо в тронный зал дворца Мира. Это решение будет стоить множества жизней, возможно, даже ее собственной. Хотя к встрече с богом Смерти она была готова еще со дня гибели Властительницы. И как бы голос разума ни внушал, что отдать свою жизнь во благо народа будет правильно, страх все же жил в сердце. Сейчас он вспыхнул с новой силой, ноги затряслись, в груди защемило от беспокойства, а на глаза навернулись слезы.

Небо затянулось серыми облаками. Даже погода не выстояла перед появлением самого могущественного существа трех миров. Клубы дыма развеялись, и все разглядели очертания черного, подобно разлому на мрачном небе, дракона. Авила вздрогнула — каждый раз,

когда она видела Аксониса, дыхание замирало, а понимание ее беспомощности отрезвляло сознание. Его могучие крылья разбили стекла высоких окон. Осколки с дребезгом разлетелись, задевая людей. Тишина сменилась предсмертными криками и воплями ужаса, но Авила старалась не замечать их: она бежала к еще целым колоннам в надежде спастись. Массивными лапами дракон разрушал стены дворца и уже искал призвавшего его хозяина — Флавия Адальберта, ее отца. Глубокие трещины, точно эрозия, беспощадно ползли по стенам, разрушая массив, разбитые глыбы срывались вниз, унося с собой жизни тех, кому не повезло находиться здесь в эту минуту. Дракон ворвался внутрь, погружая в огонь все на своем пути. Воздух ревел, искры летели во все стороны, сжирая людей заживо. Горло Авилы сдавил страх, но она продолжала искать глазами отца.

Бегущие гости в панике пытались укрыться, найти спасение. Многие погибли, пав от когтей дракона или от языков пламени, кто-то канул под завалами. Хаос и крики наполнили зал, а грохот рушащихся стен и мебели все эхом звучал в голове Авилы. Кровь обагрила светлый мрамор, по которому под звуки арфы и скрипки совсем недавно танцевали прекрасные дамы...

За несколько часов до этого...

Ко дню восемнадцатилетия принцессы Аксохола Дворец Мира готовился основательно: приемные комнаты обставили самыми изысканными украшениями Дальнего мира — золотые канделябры, гобелены с мотивами из мифов Аксохола развесили вдоль длинных коридоров и над величественными каминами из белого камня, даже ковры заменили на торжественные, привезенные купцами с Восточных земель. Белые розы, горячо любимые принцессой, виднелись повсюду: на арках над дверьми

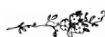

в приемный зал, на лестницах, в вазах на столах и даже в тронном зале Властителя, что всегда отличался своей сдержанностью и строгостью. Весь дворец теперь заиграл свежими красками.

Несмотря на тщательную подготовку, Авила не улавливала в воздухе витающее ощущение праздника и легкости — цветочный аромат горчиц, вызывая скупые слезы. Каждый год именины проходили по распорядку — одни и те же инструкции, с четкими требованиями к гостям, слугам и даже членам правящей семьи. Это ужасно ей претило.

В этом году внесли хоть и маленькое, — но весомое изменение, и все же настроение ее от этого не улучшилось. И это нововведение играло против интересов Авилы. Ее выдавали замуж, и об этом вскоре станет известно всему Дальнему миру, именуемому Аксохолом — домом волшебства и магии. Здесь каждый мог найти то, чего желал, каждый — кроме самой принцессы, обреченной страдать среди сырых стен дворца, пронизанных насквозь ее слезами, в городе, построенном рабами. Здесь все жили по правилам, написанным кровью, но притворялись цветущей и такой идеальной столицей Мира.

Авила быстро шла по коридору, набравшись смелости на откровенный разговор с отцом. В его присутствии она не могла позволить вести себя так, как не подобало принцессе: резкие движения, суета, шум. Хорошо, что сейчас отца рядом нет. Пшеничные волосы, ниспадающие с плеч большими локонами, колыхались при каждом движении вдоль оголенной спины, щекоча и вызывая легкие мурашки. На вышивке, рассыпанной на золотом легком платье, сверкало солнце, проникающее в замок сквозь зазоры меж темных плотных штор на окнах. Авила вышагивала решительно, сжав кулаки, — сейчас она поставит точку в вопросе замужества, сейчас она отстоит свое «я», свои интересы, чувства и наконец

скажет отцу о подлинных желаниях и стремлениях. Она не желала этого брака.

Дойдя до нужной двери, принцесса остановилась и глубоко вдохнула. Через несколько минут она встретится с отцом — Властителем Аксохола Флавием Адальбертом — лицом к лицу. Она нажала на дверную ручку, приоткрыв дверь, и тут же замерла, услышав голос отца. Нервно прикусив нижнюю губу, она решила минутку подождать.

— Атрей, ты опять с плохими вестями? — протянул немного хриловатый голос властителя.

Авила чуть подалась вперед, заглядывая и различая образ отца, сидящего в кресле напротив панорамных окон, через которые открывался вид на весь Астрополис. Холодный профиль Властителя застыл, словно каменное изваяние, а строгий взгляд светлых глаз даже на расстоянии источал мороз. Холодок пробежался и по спине Авилы, она сглотнула, засомневавшись, что пришла вовремя, колени задрожали, а ладонь, все еще сжимающая ручку двери, вспотела.

— Прошу прощения, но это важно, — учтиво поклонился советник.

Средних лет мужчина, практически всю жизнь посвятивший работе на Властителя во благо процветания Аксохола, выглядел соответствующе своей должности: одежда с иголки, ни пылинки, ни пятнышка. Авила всегда отмечала его педантичность. Однако серые мешки под глазами, еще больше выделяющие черную радужку, давали знать о тяжелой работе, а главное — о постоянно нервном напряжении, из-за которого он наверняка частенько терял сон. Из-за большой ответственности он быстро постарел, и теперь седые виски на темных волосах бросались в глаза.

— В город просочилась информация о вымирании драконов. Она распространяется по континенту, вскоре

дойдет и до других земель. Народ бунтует и... — Атрей выдержал небольшую паузу, будто прощупывая почву, проверяя расположение Властителя к предстоящему разговору. — Согласно доносу, на вас и вашу семью готовится нападение, — подытожил он дрогнувшим голосом.

Он держал в руках свитки, в которых, вероятно, содержались отчеты, и хотел показать их отцу. Авила всегда восхищалась решительностью Атрея. Пожалуй, он был единственным во дворце после старого придворного волшебника, кто говорил ее отцу чистую правду, какой бы она ни была. Он всегда придерживался позиции: «Чем чаще ты говоришь правду, тем меньше противоречишь себе».

— Что за вздор? — Властитель резко поднялся с кресла, строго глянув на Атрея. — Никто из жителей Аксохола не посмеет напасть на дворец, меня и мою семью!

— Я ваш советник, — твердо, смотря прямо в глаза своего Властителя, продолжал Атрей, — и я советую подготовить кортеж и укрыть вас, вашу семью и некоторые яйца драконов, которые вылупятся в ближайшее время. Если народ увидит новых драконов, то бунтующих станет гораздо меньше. Есть тот, кто может помочь возродить драконов и укрепить ваше положение на троне.

— Кто же? — с неподдельным интересом спросил Флавий.

Атрей раскрыл перед Флавием один из свитков и протянул ему.

— Его заметили на Летнем Континенте, в одном из поселений. Говорят, по каким-то причинам он не может вернуться на Вершины Алоса, но в этом и плюс — так его будет проще схватить.

— Поймать его вне Вершин Алоса... — Властитель смаковал каждое слово, словно упиваясь самой возмож-

ностью разрешения пятнадцатилетней проблемы. Он провел пальцами по черному рисунку на пергаменте. — Как жаль, что мои приказы так отвратительно выполняются, — усмехнулся Флавий. — Но в этот раз это сыграло нам на руку. Истребление фойтгийцев привело к вымиранию драконов, но он... — последний их потомок — должен знать, как их спасти. — Флавий ненадолго задумался, а после, будто выйдя из транса, добавил: — Немедленно покинь мои покои.

Советник учтиво поклонился, Авила быстро закрыла дверь, понимая, что может столкнуться с Атреем. Взгляд пал на увесистые портьеры, идея родилась в ту же секунду. Принцесса быстро скользнула к ним, спряталась за тяжелой тканью и затаила дыхание. За звуком открывающейся двери послышались приближающиеся шаги, нагоняющие ужас. Что будет, если он ее поймает? Авила не могла придумать другого исхода — ее тут же отведут к отцу. Однако эхо шагов советника удалилось, раздаваясь по пустым коридорам внутреннего двора. Авила, облегченно выдохнув, сжала кулаки и вышла из своего укромного местечка.

— Ваше высочество! — Резкий голос с другого конца коридора заставил Авилу вздрогнуть от страха.

Наблюдая, как приближается пухлая женщина, Авила немного расслабилась и поинтересовалась:

— Госпожа Мода, скажите, что сейчас происходит в городе?

— Ваше высочество, ваш отец запретил... — начала та.

— Скажите как есть, отец не узнает! — взмолилась принцесса.

— Простите, но если я послушаюсь, мне отрубят голову. — Руки придворной дамы затряслись.

Авила это ощутила и с грустью вздохнула.

— Хорошо, ладно. — Ей хотелось быстрее остаться наедине, ноги сами несли к западному балкону — един-

ственному месту, где она чувствовала себя свободной и в безопасности.

— Ваше высочество, вам нужно готовиться. Пройдите в покои, чтобы собраться.

— Я немного прогуляюсь и вернусь. — Учтиво кивнув, она вырвалась из-под надзора госпожи Моды и прошла через арку.

Авила ступала по длинному балкону вдоль западных стен замка, выходящих на бушующее море. Она любила это место. Отсюда открывался вид на жизнь за городской чертой, за стенами, выстроенными вдоль береговой линии. Даже мрачность и темнота вечернего неба не могла испортить этот миг свободы и счастья. Счастья, вызывающего слезы. Впрочем, вскоре Авила замерзла и покрылась мурашками: легкое золотистое платье с открытой спиной и плечами будто притягивало холодный морской ветер. Она подошла к перилам и положила руки на ледяную каменную поверхность, чуть вздрогнув от пронизывающего порыва, ударившего ей в ладони.

Ветер путал ее светлые длинные волосы. Запах соли, морского бриза и намокшего камня, из которого выстроены все здания и стены ненавистного ей города, щекотал нос. Авила заметила, как птица соскользнула с крыши соседней башни. Легкий и плавный полет на звездном небе к бескрайнему морю вызвал зависть в сердце принцессы. Ей предстояло прожить очередной тоскливый день, который отличался от всех остальных лишь ненужной, раздражающей суетой. По щеке скатилась слеза, охлаждающая кожу. Горьковатый вкус заставил Авилу облизнуть губу, а после прикусить ее до боли. По сравнению с тем, что чувствовало ее сердце, — это ничто, пустяк.

Ветер обдувал оголенные плечи, шею и руки. Авила мерзла все сильнее, но уходить не хотелось. Эти мгновения приносили ей хоть какое-то удовлетворение

и чувство жизни. В мгновения, когда жизнь во дворце и во всем городе кипела из-за приближающегося торжества, она могла ускользнуть от прислуги и не следить за расписанием, планами, делами, правилами, этикетом и требованиями. Авила чуть не задохнулась от горя и заплакала. Казалось, будто ее легкие превратились в безжизненный камень и теперь она никогда не сможет ощутить в них жизнь.

— Ваше высочество. Пора.

Авила вздрогнула и быстро повернулась. Снова госпожа Мода.

Тогда она неохотно кивнула и последовала за дамой, не оборачиваясь. Она знала, что, если обернется к морю, будет больнее. Пройдя по коридору в небольшой холл с несколькими увесистыми дверьми, она подошла к одной из них, ожидая, когда стража по обе стороны распахнет створки.

Личные покои принцессы, которые должны были служить ей безопасным островком в бушующем океане, таковыми не стали. У нее в комнате постоянно сновали помощницы и гувернантки, а еще госпожа Мода — в прошлом няня, ныне экономка. Сейчас прислужницы столпились у манекена, одетого в пышное сверкающее платье. Авила присмотрелась к нему и ужаснулась: она не видела никакой разницы между безликой фигурой и собой. Ее жизнь проходила, как на витрине, где она — безмолвная и безэмоциональная марионетка, подвластная отцу-Властилю.

— Я выбрала другое платье, — проговорила она, присев на тахту.

— Властитель Флавий велел подготовить это, — пропел тонкий голос помощницы.

Хоть у кого-то в этом дворце хорошее настроение. Может, она новенькая? Девушка быстро подошла к Авиле, помогая ей скинуть с тела тонкий шелк.

Одна из причин ненависти Авила к приемам и балам крылась в платьях. Тяжелые и пышные юбки, тугие корсеты, создающие тончайшую талию и широкий бюст, с трудом позволяли дышать, ходить, говорить, есть. Может, именно поэтому тончайшая фигура считалась аристократическим показателем — у высокопоставленных дам просто не получалось пополнить из-за невозможности съесть пару лишних кусочков.

* * *

— Ее высочество Авила Адальберт!

Громкий голос глашатая заставил всех обернуться к величественному пьедесталу возле трона Властителя Аксохола. Все приглашенные тут же оставили разговоры и танцы, музыка стихла. Они ждали появления виновницы торжества.

Авила замечала вздохи восхищения, ощущала, как каждый взгляд оценивающе скользит по ней, останавливаясь с особым вниманием на диадеме, драгоценных камнях и украшениях. Кажется, отцу удалось оправдать ожидания приглашенных — он тщательно подобрал ей образ. И пусть некоторые понимали, насколько Авиле противны эти одежды, не смели произносить ни слова, и это молчание было ей знакомо. Они молчали не потому, что не могли возразить, а потому, что любое мнение по поводу внешнего вида правящей семьи здесь каралось законом. Они молчали в страхе перед наказанием. Авила ловила каждый взгляд, ощущая на себе вес их молчания и опасений, тех же опасений, что прятались в ней.

Авила немного вздохнула, незаметно приподняв плечи, а после перевела взгляд на отца. Он сидел на троне и высматривал среди гостей одного-единственного человека. Авила прекрасно понимала, почему для него

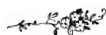
так важен визит принца Оружейного царства на Западных землях — он хотел сделать его мужем принцессы, но, конечно, согласия ее самой никто даже не подумал спросить.

Увидев, как отец приподнял указательный палец, Авила прошла к возвышению во главе зала и села на свое место подле Властителя, которое меньшим размером показывало ее статус принцессы. Взгляд зацепился за соседнее от отца место, не отличающееся величием от его собственного, — для Властительницы, но оно пустовало уже три года. Воспоминания вызвали поток грусти, но Авила тут же перевела взгляд на публику: ей нельзя было впадать в печаль, нельзя было показывать изменения в настроении, только не здесь, не при гостях, не при отце.

— Ваша Властность, — на весь тронный зал прозвучали первые слова поздравлений, принадлежащих ближайшему соседу столицы и давнему другу отца, Роджеру. Он вышел вперед и, величественно приподнимая бокал, продолжил торжественную речь: — Мы поздравляем вашу дочь с восемнадцатилетием. Мира и процветания Аксохолу!

— Мира и процветания Аксохолу! — поддержали присутствующие, также приподняв бокалы.

Музыка заиграла вновь, в танце закружились пары, кто-то стоял в сторонке и что-то обсуждал, кто-то не сводил с принцессы взгляд, кто-то даже пытался подойти, но его не пропустила стража. Пусть это и был бал по случаю дня рождения Авилы, но она считала себя узницей среди всей этой роскоши и богатства. Корона неприятно давила, корсет и вовсе не давал дышать, а музыка в однообразных классических мотивах уже прилично надоела. Наследнице Аксохола хотелось вырваться отсюда, сбежать так далеко, насколько это возможно, чтобы ее никто не нашел.

— Ваша Властность. — Очередной молодой принц из соседней страны подошел к нижней ступеньке и поклонился в знак уважения и признания. — Дорос Маккуойд, принц Оружейного царства! — с выражением и гордостью представился он, а после посмотрел на Авила, которая уже все поняла: это он — ее будущий муж. — Я хочу пригласить вашу дочь на танец. Вы позволите?

— Конечно. — Флавий слегка направил руку в ее сторону, давая согласие.

Авила замешкалась, ей совсем не хотелось танцевать. Дорос мельком глянул на Властителя, а после вернул вопросительный взгляд Авиле. Она все-таки встала, прошла к нему и вложила руку в открытую ладонь Маккуойда.

Авила не могла понять: и это тот самый принц, прославленный мечтой сотен придворных девушек? Покопитель женских сердец? Она явно ожидала большего. По крайней мере не такой предсказуемости в одежде. Строгий мундир, но не по годам увешанный знаками отличия за боевые заслуги, не отличался праздностью, напротив — он казался весьма заурядным выбором на фоне костюмов других приглашенных орденосцев. Эта форма прописана в плане мероприятия, утвержденном отцом, Авила это понимала, но неужели никто так и не осмелился хоть немного нарушить его? Она внимательно рассматривала принца. Может быть, хоть что-то отличит его от всех? Форма пуговиц или количество аксельбантов? Хотя бы цвет? Нет, все было четко. Увы.

Принцесса сделала изящный реверанс и закружилась в танце. Скользя вдоль освободивших центр зала людей, она замечала, как с них не сводят взгляда, пропуская в круг и ахая, вероятно, от мысли, насколько хорошо они с принцем смотрятся вместе.

— Вы обворожительны, ваше высочество, — произнес ей на ухо принц, еле касаясь ее талии.

